Master Negative Storage Number

OCI00051.11

Balagur, Foma

Muzhichok Kurunia i zlaia snokha

Moskva

1900

Reel: 51 Title: 11

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00051.11

Control Number: BGO-1192
OCLC Number : 25126374
Call Number : W 381.5917N B181m no.1
Author : Balagur, Foma.
Title : Muzhichok Kurunia i zlaia snokha : razskaz / Fomy Balagura.
Imprint : Moskva : A.D. Sazonov, 1900.
Format : 32 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: AR

МУЖИЧОКЪ КУРУНЯ И ЗЛАЯ СНОХА.

W38/.591 B181m no 1

МУЖИЧОКЪ КУРУНЯ

И

ЗЛАЯ СНОХА.

РАЗСКАЗЪ

Фомы Балагура.

Balagur, Foma

Изданіе книгопродавца А. Д. САЗОНОВА.

МОСКВА.
Типо-Литографія. Д. А. Бонтъ-Бруевичъ. Кузнецкій м., д. кн. Голицыной.
1900.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КУРЬЕР

и

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

Дозволено цензурою. Москва, 5 ноября 1899 г.

МОСКВА.
1900.

THE CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

W11710

ГЛАВА I.

Женитьба Вани.

Передъ тѣмъ какъ начать разсказъ вспомнилась мнѣ одна побасенка, которую я еще будучи маленькимъ читалъ въ какой-то умной книжкѣ. Этой то побасенкой я и хочу подѣлиться теперь съ моими будущими читателями, потому что побасенка эта очень подходитъ къ моему разсказу.

Заспорили однажды между собою солнце и вѣтеръ о томъ, кто изъ нихъ кого сильнѣе.

Долго спорили они, не приходя ни къ какому рѣшенію, наконецъ порѣшили испытать свои силы на одномъ путникѣ, ѣхавшемъ въ это время по дорогѣ. «Кто изъ насъ сниметъ съ этого путника плащъ, тотъ и будетъ сильнѣе!» На этомъ и покончили. Первымъ началъ дѣйствовать вѣтеръ, онъ поднялся съ невѣроятною силою и пытался, все что было то ни стало сорвать плащъ съ плечъ путника; но чѣмъ сильнѣе дулъ вѣтеръ, тѣмъ крѣпче кутался путникъ въ свой плащъ, который онъ наконецъ надѣлъ въ рукава и крѣпко подпоясался по немъ кушакомъ.

Тогда вѣтеръ, видя, что онъ не въ состояніи ничего сдѣлать съ путникомъ, предоставилъ дѣйствовать солнцу, которое тотчасъ-же вышло изъ-за тучъ и освѣтило окрестности. Солнце свѣтило, и грѣло, и все теплѣе и теплѣе становилось путнику, который вскорѣ, чтобы облегчить себя, самъ снялъ съ себя свой плащъ.

Солнце побѣдило и оказалось сильнѣе вѣтра.

Изъ побасенки этой можно догадаться о томъ, что ласкою и тихимъ обращеніемъ съ человѣкомъ можно сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ грубостью, принужденіемъ или наказаніемъ.

Деревня Горбово, находящаяся въ одномъ изъ уѣздовъ Московской губерніи, была удалена отъ Москвы болѣе чѣмъ на полтораста верстъ, не особенно близко отстояла она и отъ своего уѣзднаго города, а потому Горбово нисколько не походило на обычныя подгородныя или, тѣмъ болѣе, на подмосковныя деревни.

Жители Горбова были преимущественно люди вполнѣ исправные, хотя и не очень зажиточные. Хлѣба родилось въ деревнѣ столько, что его совершенно хватало на

потребности обитателей, а сѣна и овса у нихъ было даже съ избыткомъ, который они и продавали въ своемъ уѣздномъ городѣ.

Въ каждомъ домѣ Горбова былъ одинъ или нѣсколько работниковъ, уходившихъ на заработки въ Москву и занимавшихся тамъ различными ремеслами и промыслами. Лѣтомъ же къ началу полевыхъ работъ и къ „страдѣ" всѣ горбовцы пріѣзжали въ свои дома и принимались въ потѣ лица ходить за своими кормилицами-нивами и убирать ихъ. И выходило такъ, что горбовцамъ незнакома была очень тяжелая нужда. Да и трудно было тяжелой нуждѣ схватить въ свои тиски кого-нибудь изъ горбовцевъ!

Случался ли попущеніемъ Господнимъ въ Горбовѣ неурожай, горбовцы надѣялись на помощь тѣхъ изъ своихъ семейныхъ, которые были на заработкахъ въ Москвѣ; оставался ли кто-нибудь изъ горбовцевъ въ Москвѣ безъ дѣла, то онъ не болтался по Москвѣ и не гранилъ московскихъ мостовыхъ, а спѣшилъ подъ родной кровъ въ деревню, гдѣ и переживалъ благополучно трудное время до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ товарищей не увѣдомлялъ его объ открывшемся мѣстѣ.

Нисколько не отставалъ отъ другихъ однодеревенцевъ въ устройствѣ своего дома и хозяйства горбовскій крестьянинъ,

старичекъ Иванъ Васильевичъ, считавшійся даже по зажиточности однимъ изъ первыхъ крестьянъ деревни.

Лѣтъ сорокъ провелъ Иванъ Васильевичъ въ Москвѣ, работая на одномъ изъ кожевенныхъ заводовъ; былъ онъ парень трудолюбивый, виномъ не зашибался, а потому, какъ это по большой части и бываетъ успѣлъ сколотить себѣ копейку. Семья у Ивана Васильевича была невелика: жена да сынъ Ваня, котораго отецъ съ раннихъ еще лѣтъ взялъ себѣ подъ руку на заводъ.

Умерла у старика жена, и рѣшился онъ подъ старость отдохнуть въ деревнѣ; сынъ же Сергѣй попрежнему работалъ на заводѣ, пріѣзжая въ деревню только на лѣто, на Рождество да на Пасху.

Иванъ вышелъ весь въ отца и отецъ не могъ нарадоваться, глядя на своего сына.

Въ молодости своей Иванъ Васильевичъ былъ очень бойкимъ, юркимъ, подвижнымъ парнемъ и имѣлъ совершенно черные волосы, почему и былъ прозванъ своими однодеревенцами Куруней; прозваніе это осталось за Иваномъ Васильевичемъ и до старости, когда онъ уже нисколько не походилъ на Куруню, такъ какъ съ лѣтами пропала у него живость движеній и волосы его изъ совершенно черныхъ превратились въ совершенно бѣлые.

Вся деревня любила Ивана Васильевича за его тихій, смирный характеръ и за его всегдашнюю готовность помочь въ нуждѣ своимъ сосѣдямъ. Если случалось у кого нибудь какая-нибудь нехватка, то всѣ шли къ старику Курунѣ, какъ въ свой домъ и никогда не было примѣровъ, чтобы Куруня кому-нибудь отказывалъ, хотя были случаи, что его обманывали.

„Воды не замутитъ," „курицы не обидитъ!" говорили про Ивана Васильевича сосѣди.

Тихая и мирная жизнь Куруни была нарушена, однимъ обстоятельствомъ, которое очень сильно безпокоило старика.

Сынъ его задумалъ жениться; конечно въ этомъ еще не было никакой бѣды тѣмъ болѣе, что и самъ Иванъ частенько напоминалъ сыну, что, дескать, давно бы Ваня, пора тебѣ честнымъ пиркомъ да за свадебку и порадовать меня внучатами. Бѣда была въ томъ, что Иванъ выбралъ себѣ такую невѣсту, которая была совсѣмъ не по душѣ старику.

Дуня Подлазова, такъ понравившаяся молодому Ивану, была дѣйствительно первой красавицей изъ числа деревенскихъ дѣвушекъ.

Отецъ Дуни жилъ постоянно въ деревнѣ, братья же ея жили постоянно въ Москвѣ

и не пріѣзжали даже на полевыя работы, такъ какъ женились они на московскихъ и какъ бы совершенно отдѣлились отъ деревни.

Жили между прочимъ братья Дуни очень хорошо: они хозяйствовали и имѣли у себя мастеровъ. Дуня очень часто и очень подолгу гостила въ Москвѣ у своихъ братьевъ и переняла очень многіе московскіе обычаи, одѣваться даже и держать себя Дуня начала на московскій ладъ, чуть ли не считая себя московскою и пренебрегая своими подругами, которыхъ она считала за „необразованную деревенщину“. Дуня знала цѣну своей красотѣ и гордилась ею чрезвычайно; характера же она была строптиваго и неуживчиваго.

По этой-то причинѣ и не нравился старику Курунѣ выборъ невѣсты, сдѣланный его сыномъ. Говорилъ иногда старикъ своему Ивану, что не одна только невѣста есть въ деревнѣ, есть, молъ, и другія дѣвушки. Да что-же подѣлаешь съ влюбленнымъ молодымъ парнемъ: зарубилъ онъ, что возьметъ только одну Дуню Подлазову да и стоитъ на этомъ крѣпко.

— Какъ хочешь, батюшка,—говорилъ онъ отцу:—я изъ твоей воли не выйду и если ты хочешь, то не женюсь на Дунѣ, но тогда уже такъ холостымъ и останусь.

Махнулъ дѣдушка Куруня рукою, помолился Богу и рѣшился благословить сына на бракъ съ Дуней.

Скоро сладилось дѣло и была сыграна такая свадьба, о которой потомъ долго вспоминали не только въ Горбовѣ, но и въ сосѣднихъ деревняхъ.

ГЛАВА II.

Злая сноха.

Тихо, мирно и счастливо зажили молодые первое время послѣ свадьбы, но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока изъ деревни не уѣзжалъ въ Москву Иванъ, а какъ только Иванъ уѣхалъ въ Москву, то въ домѣ стало твориться что-то неладное. Сноха всѣми силами старалась показать какъ сосѣдямъ, такъ и самому дѣдушкѣ Курунѣ, что она въ домѣ должна быть полновластной хозяйкой. Какъ ни обидно было старику терпѣть это въ домѣ, который былъ нажитъ его собственными трудами, но онъ по свойственному ему миролюбію не перечилъ Авдотьѣ ни въ чемъ.

«Пусть ее выставляетъ себя за хозяй-

ку!—думалъ дѣдушка Куруня,— вѣдь мнѣ отъ этого не хуже; а люди и такъ знаютъ, кто въ домѣ хозяинъ?»

Несмотря на всю строптивость Авдотьи, старикъ не только не бранился, но старался нѣжить и холить свою сноху.

Авдотья же любила понѣжиться и спала совсѣмъ не такъ, какъ спятъ въ деревнѣ.

„Пусть ее поспитъ подольше; теперь только ей и понѣжиться, пока у нея нѣтъ дѣтей, а тамъ ужъ не до нѣжностей будетъ ей.“

Такъ разсуждалъ добрый старикъ Куруня и рано утромъ, когда его сноха лежала въ постели, онъ бывало сходитъ для нея по воду, наколетъ дровъ, уложитъ ихъ въ печку и только тогда начнетъ будить сноху, когда поставитъ самоваръ.

Авдотья однако и не думала быть признательной старику за его уходъ за нею; она все принимала какъ должную дань своей красотѣ. Но сосѣди, а особенно сосѣдки стали подсмѣиваться надъ старикомъ и осуждать Авдотью. На насмѣшки надъ собою дѣдушка Куруня не обращалъ никакого вниманія, но ему непріятно было, что сноха прослыветъ лѣнтяйкой.

— Дуняша,—сказалъ однажды старикъ снохѣ:—ты вставала бы пораньше, чтобы не судили про тебя сосѣдки; а поспать-то

если ты любишь, то поспи и днемъ: я сдѣлаю за тебя, что надо!

Такъ и вспылила Авдотья, когда услыхала этотъ совѣтъ, добраго старика Куруни.

— Какъ! ты хочешь, чтобы я слушалась твоихъ сосѣдокъ и вставала бы для нихъ съ пѣтухами. Да развѣ я съ моей-то красотою для того вышла замужъ за простого мужика, чтобы быть у васъ въ домѣ работницей? Да мнѣ за мою красоту-то въ Москвѣ большія бы деньги дали!

— Полно, полно тебѣ вздоръ-то молоть нагрѣшница ты этакая! — замѣтилъ ей свекоръ; но унять расходившуюся Авдотью было очень трудно; старикъ только махнулъ рукой и пошелъ, чтобы заняться какимъ-нибудь хозяйствомъ по двору.

Наступилъ ужинъ; сноха ни сама не стала ужинать и не собрала ужина старику!

Помолился дѣдушка Куруня Богу и легъ спать, первый разъ въ жизни не поужинавши.

— Господи и за что только ты послалъ такую кару на насъ грѣшныхъ, — думалъ дѣдушка Иванъ, ворочаясь съ боку на бокъ и не будучи въ состояніи уснуть. — Мнѣ что? — продолжалъ размышлять старикъ: — мнѣ и жить-то осталось недолго; я то какъ нибудь перетерплю, но такова-то придется

моему бѣдному Ванѣ жить весь вѣкъ съ такою строптивою, характерною женою.

И много пришлось потомъ терпѣть дѣдушкѣ Ивану отъ своей строптивой снохи, которая начала уже въ глаза и за глаза ругать его и частенько посмѣивалась надъ нимъ даже при народѣ.

— А надо бы тебѣ, дѣдушка Иванъ, немножко поучить свою сношенку: ужъ больно много воли начинаетъ брать она и ни во что не ставитъ тебя! — такъ говорили дѣдушкѣ Курунѣ нѣкоторые сосѣди, видя поступки Авдотьи надъ старикомъ.

— Да не токма-что немножко, а порядкомъ ее проучи,— совѣтовали другіе,—что бы она подольше не могла забыть твоей науки!

— Э, полно вамъ, братцы! — отвѣчалъ обыкновенно на эти совѣты и замѣчанія Иванъ:—что мнѣ, старику, обращать на нее вниманіе?! Молода она еще, почти-что дѣвочка; пройдетъ время, такъ ей и самой станетъ стыдно, образумится и сама. А я съ ея озорства не похудѣю.

Казалось бы, что злая и строптивая Авдотья должна была обратить вниманіе на то, съ какимъ терпѣніемъ и съ какою безобидностью переноситъ ея свекоръ всѣ ея выходки; должна была бы Авдотья обратить вниманіе на это и пора бы ей было

постыдиться обращаться такъ со старикомъ, отъ котораго она не видала ничего кромѣ одного только хорошаго и пріятнаго.

Но не таковa была Авдотья, чтобы устыдиться своихъ поступковъ по отношенію къ старику, она положительно увѣрила себя въ томъ, что она осчастливила домъ Ивана, выйдя съ своею красотою замужъ за его сына.

Ея дерзкое обращеніе съ свекромъ стало наконецъ уже невыносимымъ и дѣдушка Куруша начиналъ было подумывать о томъ, не отправиться ли ему куда нибудь на богомолье, чтобы хотя на время отдохнуть отъ всѣхъ тѣхъ передрягъ, которыя устраивала въ его домѣ сноха, какъ вдругъ сама Авдотья начала частенько пропадать изъ дома, она частенько возвращалась домой только къ поздней ночи, а иногда даже и не ночевала дома. Старикъ сначала думалъ, что сноха его бываетъ въ домѣ своихъ родителей и потому ничего не говорилъ снохѣ объ ея отлучкахъ, но узнавъ вскорѣ, что Авдотья въ домъ родителей бываетъ очень рѣдко и притомъ только на короткое время, онъ рѣшился спросить у ней о томъ, гдѣ она проводитъ время.

Думаю я, Дуняша, что ты къ своимъ все ходишь, а они говорятъ, что ты у

никъ бываешь рѣдко. Скажи мнѣ, гдѣ ты проводишь время!

— А ужъ ты слѣдить за мною начала! — вспылила сноха: — подглядывать начала на старости лѣтъ!

— Если бы я слѣдилъ и подглядывалъ за тобою, то я зналъ бы, гдѣ ты бываешь; а я этого не знаю и ты должна, слышишь-ли, ты должна, мнѣ сказать о томъ, гдѣ проводишь время!

Авдотья дивовалась только: она услышала не прежній тихій голосъ дѣдушки Куруни, а такой еще не слышанный ею отъ него голосъ, въ которомъ звучалъ и гнѣвъ и приказаніе; сразу же почувствовала она, что дѣдушка Куруня въ домѣ полновластный хозяинъ.

Заплакала со злости Авдотья и сквозь слезы отвѣчала старику, ждавшему ея отвѣта:

— Что ты раскричался на меня? Что мнѣ тутъ одной дѣлать въ домѣ день-деньской? Какіе у меня могутъ быть разговоры съ тобою стариком? Бываю я постоянно у Ариши Копыриной: мы съ нею и въ дѣвушкахъ были подругами!

Была-же Ариша Капырина женою одного изъ горбовцевъ, который торговалъ въ Москвѣ въ мелочной лавочкѣ; она по выходѣ замужъ совсѣмъ переселилась въ Моск-

ну и только рѣдко, рѣдко пріѣзжала въ деревню къ родственникамъ, пуская во время своихъ пріѣздовъ пыль въ глаза московскими нарядами.

ГЛАВА III.

Въ Москву потянуло.

Авдотья дѣйствительно была давнишней пріятельницей Кондрашкой и дѣйствительно проводила у ней все то время, въ которое отца отсутствовала изъ дома.

Не нравилось старику Ивану это новое знакомство своей, такъ какъ догадывался онъ, что москвичка Кондрашка собьетъ съ толку и безъ того вѣтреную Авдотью, а потому, скрѣпя сердце, Иванъ рѣшился написать сыну письмо, въ которомъ совѣтовалъ ему отпроситься хотя на недѣлю у городского начальства въ деревню и посмотрѣть, что дѣлается въ домѣ. Но остановился нѣсколько обождать съ своимъ письмомъ, такъ какъ Ивану ещё ранѣе было послано письмо Авдотьей, въ которомъ своемъ Авдотья также просила мужа побывать въ деревнѣ.

При свиданіяхъ своихъ съ подруги какъ

Ариша Копырина, такъ и Авдотья только и разговоровъ имѣли, что про ту скуку, которая царитъ въ деревнѣ и про то веселье, какое можно встрѣтить въ Москвѣ.

— Да, Дуняша, ты лучше и не говори мнѣ про свою жизнь; сама я выросла въ деревнѣ и сама все испытала!—говорила Ариша въ отвѣтъ на жалобы Авдотьи на скуку и однообразіе деревенской жизни.—Еще теперь ты пока первый годъ замужемъ и тебя какъ бы балуютъ, а поди-ка—пойдутъ у тебя дѣти или начнутся полевыя работы, тогда-то какъ будетъ!

— А въ Москвѣ-то какъ весело и какъ пріятно!—подхватывала Авдотья.—Я просто блаженствовала тамъ, когда гостила у братьевъ: женщинамъ тамъ гораздо лучше, чѣмъ въ деревнѣ: гуляньи разныхъ есть, балаганы, бульвары. Да если къ мужьямъ и компанія какая придетъ, то сейчасъ же музыку заведутъ и пойдутъ танцы.

— Ахъ, я тоже очень люблю танцы,—подхватывала Ариша:—то-ли дѣло, когда просто, когда къ тебѣ подходитъ какой-нибудь молодой кавалеръ и проситъ тебя протанцовать съ нимъ!

— Превосходно!—соглашалась съ подругой Авдотья.

— А тебѣ бы, Дуняша, съ твоею красотою и отбою не было бы отъ кавалеровъ

во время танцевъ. Удивляюсь я на тебя: мужъ твой живетъ въ Москвѣ, такъ отчего бы тебѣ не выпроситься у него жить вмѣстѣ съ нимъ; ходила бы ты тогда ко мнѣ, къ своимъ братьямъ, а тамъ глядишь и еще какое нибудь знакомство нашла бы.

Эти слова подруги заставили Авдотью сильно задуматься и она порѣшила во что бы то ни стало переселиться изъ деревни въ Москву.

Но когда переговорить объ этомъ съ мужемъ? Онъ не пріѣдетъ въ деревню еще долго; а потому Авдотья и написала къ нему письмо съ просьбою пріѣхать въ деревню для нужныхъ переговоровъ.

Удивился и задумался молодой Иванъ, когда получилъ письмо сначала отъ жены, потомъ и отъ отца и прочитавъ эти письма увидѣлъ изъ нихъ, что его зовутъ въ деревню.

«По всему надо полагать, что у насъ въ домѣ что нибудь да неладно,—размышлялъ Иванъ:—ужъ одно то подозрительно, что жена и отецъ пишутъ мнѣ не вмѣстѣ, какъ слѣдовало бы, а порознь!»

Но дѣлать было нечего: смекнулъ Иванъ, что какъ никакъ, а въ деревню ему ѣхать необходимо, взялъ онъ у начальства отпускъ на недѣлю и поѣхалъ.

Пріѣхалъ Иванъ домой и не успѣлъ еще

поздороваться, какъ уже его молодая жена начала толковать ему о томъ, какъ тяжело приходится ей одной жить въ его домѣ.

Наконецъ выбралъ время, чтобы наединѣ поговорить съ сыномъ и дѣдушка Куруня.

— Ну что, Ванюша, тебѣ жена безъ меня поразсказала?—спросилъ отецъ сына.

— Да что?!—отвѣчалъ сынъ и при этомъ махнулъ рукою.—Говоритъ, вишь, что ей тутъ очень скучно безъ меня и пристаетъ ко мнѣ, какъ съ ножемъ къ горлу, что бы я взялъ ее съ собою въ Москву.

— Какое-же время теперь ѣхать къ тебѣ въ гости, когда ты человѣкъ рабочій и круглый день занятъ работою?! А когда ты бываешь свободенъ, ты самъ въ деревню пріѣзжаешь.

— Эхъ, батюшка, въ томъ-то и дѣло, что она не въ гости ко мнѣ сбирается, а проситъ чтобы взять ее въ Москву на житье совсѣмъ.

— Это что такое еще?— съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнулъ дѣдушка Куруня.—Много я видѣлъ и слышалъ отъ твоей женушки, а такихъ разговоровъ еще не слыхалъ. Господи помилуй! Уѣхать совсѣмъ въ Москву! Да, вѣдь это легко только сказать! А тамъ что будетъ, когда я помру?

Заколотить хату, народить въ Москвѣ ребятишекъ, да, не приведи Господи, случится съ тобою какая болѣзнь или не равно безъ мѣста, такъ и ходить съ ребятишками-то куски сбирать! Слушай, Ваня, самъ ты видишь, что твоя жена не дѣло затѣяла и хочетъ въ конецъ разорить наше хозяйство; а крестьянинъ только до тѣхъ поръ и крѣпокъ, пока держится за соху. Хорошо имѣть и постороннюю помощь въ хозяйствѣ, но все постороннее только временно, а соха-то наша матушка споконъ вѣка насъ знаетъ и никогда намъ не измѣнитъ. Всегда, Ваня, помни пословицу: „держись за сошеньку, за кривую ноженьку“; не нами, а дѣдами и прадѣдами нашими сложена эта пословица и вполнѣ она справедлива. Жена твоя, такъ ты и постарайся всѣхъ какъ-нибудь отговорить, чтобы отказалась она отъ своей безумной просьбы!

Но отговорить Авдотью отъ исполненія ея просьбы было нелегко; она твердо рѣшила поставить на своемъ и пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить мужа исполнить ея желаніе: и брани, и слезами, и совершенно незаслуженными жалобами на свекра не было конца. Особенно-же стала жаловаться Авдотья на дѣдушку Ивана, когда узнала, что онъ и слышать не хо-

четъ объ отправкѣ ея въ Москву и уговариваетъ сына не дѣлать этого.

Молча выслушивалъ старикъ жалобы на него снохи, которая была настолько нахальна, что клеветала сыну на отца даже въ его присутствіи и только одинъ разъ сказалъ:

— Дивлюсь я, Дуняша, откуда только такое берется у тебя такая ненависть противъ меня; вѣдь со стороны можно подумать, что я тебѣ только одно зло и дѣлаю, а скажи на передъ Богомъ, сдѣлалъ-ли я тебѣ что нибудь кромѣ хорошаго!

— Нечего тутъ: «передъ Богомъ!» ты только говорить ласково умѣешь, старый грѣховодникъ, а кто, какъ не ты, ругалъ меня, индо въ слезы ввелъ за то, что я ходила въ гости къ Копыринымъ? а кто и теперь говоритъ Ивану, чтобы онъ не отпускалъ меня въ Москву? Не хочешь ты, чтобы я жила въ свое удовольствіе, а хочешь сгубить мою молодость въ вашей душной избушкѣ.

«Ишь ты! сказала тоже, другой подумаетъ, что она и Богъ знаетъ, изъ какихъ палатъ взята!»—подумалъ про себя дѣдушка Иванъ и вышелъ изъ комнаты.

Видѣлъ Иванъ, что Авдотья его на отца только зря наговариваетъ, зналъ онъ и отъ людей всю истину о томъ, какъ на самомъ дѣлѣ обращался его старикъ отецъ съ

Авдотьей, но сильно любилъ онъ Авдотью и сказалъ ей, что лишь только онъ устроится въ Москвѣ и найметъ подходящую комнату, то выпишетъ ее туда непремѣнно.

— Самъ, батюшка, понимаю, что не къ добру все это,—оправдывался Иванъ передъ отцемъ въ своемъ рѣшеніи:—да что же иначе подѣлаешь-то? Вѣдь и тутъ-то какое вамъ съ нею житье будетъ: она и теперь на тебя наговариваетъ не вѣсть что, а то озлится на тебя за то, что ты отговорилъ меня взять ее въ Москву, и пойдетъ у васъ житье хуже прежняго!

— Вижу, вижу, Ванюша, что дѣло твое плохое и объ одномъ только прошу тебя: помни деревню, не забывай ее и знай, что въ ней наше спасеніе!

— Знаю это, батюшка, да я вѣдь жену въ Москвѣ баловать не буду: не изъ чего; компаній у ней тамъ тоже не будетъ, такъ пожалуй она соскучится о деревнѣ, и сама сюда попросится.

— Давай Богъ, давай Богъ! — говорилъ старикъ; — о себѣ-то я не говорю, постараюсь ей угодить и тогда.

Ивану наступалъ срокъ ѣхать на заводъ; простился онъ съ женою и отцомъ и уѣхалъ, прося жену на прощаньѣ жить со старикомъ помирнѣе.

ГЛАВА IV.

Превращеніе красавицы.

Авдотья, прощаясь съ мужемъ, успокоила его и пообѣщала ему жить со старикомъ мирнѣе: „Охота мнѣ съ нимъ ругаться, лишь бы самъ онъ только не наначинялъ ворчать,“—говорила Авдотья. Но это было только на словахъ, на самомъ-же дѣлѣ случилось, какъ и слѣдовало ожидать, судя по характеру Авдотьи, совершенно противное.

Вскорѣ-же, почти тотчасъ по отъѣздѣ Ивана Авдотья съ нескрываемымъ злорадствомъ замѣтила дѣдушкѣ Курунѣ: — «Ну что, Куруня этакая, попрыгала, попрыгала да только при своемъ и осталась: будешь ты косѣть въ деревнѣ, а я уѣду все-таки въ Москву!“

Еще терпѣливѣе сталъ теперь дѣдушка Куруня, еще безотвѣтнѣе сдѣлался онъ, такъ какъ видѣлъ, что Авдотья готовилась быть матерью, зналъ, что многія женщины бываютъ въ это время капризнѣе и раздражительнѣе обыкновеннаго и потому ста-

рался всячески успокоить сноху, но и дѣло начинавшую ссору.

Родился у Авдотьи ребенокъ, прелестный мальчикъ, вылитый отецъ, и это семейное событіе было величайшей радостью для дѣдушки Куруни, онъ по цѣлымъ днямъ не отходилъ отъ своего новорожденнаго внука.

Но не долго пришлось дѣдушкѣ Ивану проводить цѣлые дни съ внукомъ, только до тѣхъ поръ пока была больна Авдотья, лишь только-же Авдотья поднялась на ноги, какъ она лишила старика и этого удовольствія, не давая ему даже и подойти къ люлькѣ ребенка.

Но судьба рѣшила такъ, что ребенку суждено было большее время проводить на рукахъ у дѣдушки, чѣмъ у матери.

Авдотья лишь только поправилась нѣсколько послѣ родовъ, какъ не замедлила начать свои посѣщенія къ Аришѣ Копыриной, которая продолжала еще гостить въ деревнѣ, поджидая пріѣзда мужа.

Стояла холодная, дождливая осенняя погода, но Авдотья не обращала на погоду никакого вниманія.

— Дуняша, побереглась бы ты въ такую погоду! — замѣтилъ ей какъ-то дѣдушка Куруня.

— Ишь какой желанный нашелся! — отвѣ-

чала Авдотья и продолжала попрежнему пренебрегать здоровьемъ.

Очень ужъ пріятно было ей бывать у подруги, съ которой вмѣстѣ она строила различные планы о томъ, какъ она пріѣдетъ въ Москву и устроится тамъ.

Но вотъ Авдотья заболѣла.

Сначала она силилась держаться на ногахъ, однако скоро это для нея оказалось не подъ силу, и она слегла въ постель. Дѣдушка Куруня увѣдомилъ объ этомъ родныхъ Авдотьи, и началось деревенское леченіе своими способами и домашними средствами. Сначала обходились тѣми познаніями, которыя имѣли въ леченіи родные Авдотьи, потомъ стали слушаться различныхъ совѣтовъ сосѣдокъ и приводить эти совѣты въ исполненіе, а потомъ обратились уже и къ бабкѣ-знахаркѣ.

— Эхъ, не дѣло вы, дорогіе мои, дѣлаете, — неоднократно говаривалъ бывало дѣдушка Иванъ: — видите вы, что бабенькѣ очень недужится, а просите помощи у своихъ-же сосѣдей, у своего-же брата мужика!

— А по твоему у кого-же надо было просить?

— Вѣстимо у кого! У доктора! Сапоги къ примѣру у меня поправить надо, такъ я пойду къ сапожнику, потому что онъ

учился этому дѣлу и сапоги поправить можетъ; кафтанъ мнѣ сдѣлать надо, такъ я пойду къ портному, потому что тотъ шитью научень и кафтанъ сдѣлаетъ; такъ и докторъ: онъ учился, какъ узнавать болѣзни и какъ ихъ надо лѣчить!

— Ну, доктора-то не для нашего брата, а для господъ больше!—говорили одни дѣдушкѣ Ивану.

— А развѣ бабка Степанида-то, что лечитъ Авдотью не училась; она дни и ночи въ лѣсу проводитъ: разныя травы распознаетъ!

— Милые, — восклицалъ дѣдушка Куруня:—да вѣдь всѣ люди-то созданы Однимъ Богомъ и произошли отъ одного человѣка; слѣдовательно, какой докторъ полезенъ барину, тотъ полезенъ и крестьянину. А что про науку Степанидину вы говорите, такъ всякому дѣлу надо учиться не въ лѣсу, а у человѣка понимающаго!

Но такъ и не могъ склонить онъ родныхъ Авдотьи обратиться за совѣтомъ къ доктору.

Авдотьѣ же между тѣмъ становилось все хуже и хуже, по всему тѣлу ея пошли красноватыя пятна и скоро всѣмъ стало ясно, что у нея появилась оспа; всѣ тогда отхлынули отъ Авдотьи, боясь заразиться, и только дѣдушка Куруня остался безстрашно ходить за нею.

водилъ у изголовья больной, не отходя отъ нея ни на шагъ и исполняя всѣ желанія Авдотьи.

Старикъ отъ хлопотъ и безсонныхъ ночей осунулся и похудѣлъ замѣтно.

Въ то время когда Авдотья приходила въ полное сознаніе, она къ стыду своему видѣла, что дѣдушка Куруня себя не щадитъ, ухаживая за нею; очень стыдно было Авдотьѣ вспоминать въ это время о томъ, какъ она совершенно напрасно оскорбляла человѣка, который не помня обидъ, полученныхъ отъ нея, не отходилъ отъ нея даже и тогда, когда ея родные, боясь заразы, покинули ее, больную.

И не только стыдно, но и жалко ей стало дѣдушку Куруню, когда она замѣтила какъ онъ поблѣднѣлъ и осунулся, благодаря безсоннымъ ночамъ, проведеннымъ имъ въ уходѣ за нею.

— Дѣдушка Иванъ, ты соснулъ бы немного! Мнѣ теперь полегче!—говорила иногда Авдотья старику.

— Ничего, моя ясынька, не гляди ты на меня, старика, что я другой разъ не посплю; сама-то поправляйся поскорѣй, сынокъ-то о тебѣ соскучился!

Но Авдотья не только не поправлялась, а положеніе ея становилось день-ото-дня хуже и хуже. Смотрѣлъ, смотрѣлъ дѣдушка

Дѣдушка Куруня былъ примѣрною, рѣдкостною служанкою: онъ и дни и ночи про-Иванъ на то, какъ извоидтся его сноха и порѣшилъ, махнувъ рукою, на нивныя ея родныхъ, съѣздить къ доктору. Едва-едва Иванъ упросилъ одну бобылку Оспу побыть съ больной въ то время, пока онъ съѣздитъ въ больницу, которая была верстахъ въ двѣнадцати отъ деревни.

Привезъ дѣдушка Иванъ доктора, тотъ оглядѣлъ больную, оставилъ лекарства и уѣхалъ, сказавъ, что онъ будетъ теперь присылать къ больной фельдшера.

Поправленіе здоровья больной пошло быстро впередъ; прошло недѣли двѣ, послѣ того какъ Авдотью посѣтилъ докторъ и она оправилась уже настолько, что могла подыматься съ постели. Но только какъ перемѣнилась Авдотья! И слѣда не осталось у ней отъ той ея красоты, которою она такъ гордилась ранѣе: оспа до неузнаваемости изуродовала ея прекрасное лицо.

ГЛАВА V.

Смерть Куруни.

Тишина полнѣйшая воцарилась въ домѣ послѣ того, какъ Авдотья окончательно поправилась. Отношенія между дѣдушкою

Курупею и Авдотьей перемѣнились совершенно: теперь Авдотья не знала, какъ благодарить своего свекра и не упускала случая, чтобы угодить ему и въ чемъ нибудь.

Чувство раскаянья передъ старикомъ за всѣ нанесенныя ему ранѣе обиды и непріятности проснулось въ Авдотьѣ съ особою силою.

Однажды Авдотья съ дѣдушкой Иваномъ сидѣли за самоваромъ, ребенокъ же покойно спалъ въ люлькѣ. Вдругъ Авдотья поднялась со скамейки и бухнулась въ ноги изумленному старику.

— Прости ты меня, батюшка, много я, окаянная виновата передъ тобою! Много зла я имѣла на тебя да побѣдилъ ты меня своею кротостью и любовью. Прости меня Христа ради!

— Полно, полно, косатка!—успокоивалъ старикъ Авдотью. — Стоитъ-ли говорить о томъ, что было; что было, то быльемъ поросло; а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Успокоилась Авдотья послѣ такихъ словъ старика, но не надолго; скоро она стала о чемъ-то задумываться, а иногда такъ даже старикъ невзначай, случайно заставалъ ее плачущей.

— Скажи на милость, Дуняша, у тебя есть вѣроятно какое-нибудь горе, о кото-

ромъ ты не хочешь говорить мнѣ? — Спрашивалъ Куруня.

— Охъ, батюшка, самъ ты видишь мое горе, только не догадываешься объ этомъ!

— Вотъ ужъ и впрямь я никакъ не могу догаться, Дуняша; скажи, что это такое за горе?

— Какъ подумаю я только о томъ, каково то мнѣ теперь будетъ свидѣться съ мужемъ, — отвѣчала Авдотья, такъ сердце у меня кровью и обольется. Каково-то онъ приметъ меня теперь рябую? Разлюбитъ онъ меня теперь непремѣнно и буду я ему теперь ненавистна и противна.

— Что ты? Что ты? Богъ съ тобою! Да какъ же можно разлюбить свою законную, Богомъ данную жёну?! Рябая! Ну что-же дѣлать если ты теперь сдѣлалась рябой! Вѣдь все это ни отъ чего нибудь, а отъ Божьей воли, а противъ Божьей воли никто не пойдетъ!

Однако никакія увѣщанія и уговоры дѣдушки Ивана не могли успокоить Авдотью, попрежнему продолжавшую задумываться и плакать.

Тогда дѣдушка Иванъ, жалѣючи Авдотью и желая успокоить ее, написалъ сыну письмо обо всемъ, и въ письмѣ этомъ писалъ, что онъ, что бы успокоить

бѣдную женщину нарочно привезетъ ее къ мужу.

Получивъ отъ сына благопріятный отвѣтъ, старикъ, обращаясь къ Авдотьѣ, сказалъ ей:

— Собирайся-ка, Авдотьюшка, съ сыномъ въ дорогу, и я съ вами поѣду!

— Куда-же, батюшка?—спросила удивленная Авдотья.

— Поѣдемъ моему внуку отца его показывать!

— О, Господи!—воскликнула Авдотья, и у нея подкосились даже ноги при мысли о скоромъ свиданіи съ мужемъ.

— Ничего! Не безпокойся, Дунюша! Вотъ повидаешься съ мужемъ, увидишь, что онъ тебя любитъ попрежнему и будешь вполнѣ покойна.

Вскорѣ Авдотья съ сынкомъ и старикъ Куруня отправились въ Москву, по пріѣздѣ въ которую, дѣдушка Иванъ оставилъ Авдотью съ сыномъ на квартирѣ мужа, а самъ отправился къ нему на заводъ, что бы приготовить Ивана къ свиданію съ женой.

Какъ и ожидалъ старикъ, сынъ его, хотя и потосковалъ о томъ, что его красавица жена сдѣлалась рябой, но за то ему было очень пріятно слышать, что жена его перемѣнила свой строптивый характеръ.

— И, батюшка, — сказалъ, усмѣхаясь Иванъ:

Намъ съ лица не воду пить,—
И съ корявой можно жить!

А теперь хорошо и то, что у насъ въ домѣ миръ и ладъ будетъ; а ужъ какъ и то хорошо, что теперь у меня сынокъ есть! Пойдемъ-ка, батюшка, скорѣе смотрѣть моего сынка то!

И отецъ съ сыномъ пошли къ Авдотьѣ, поджидающей ихъ на квартирѣ.

Около недѣли протостилъ дѣдушка Иванъ у сына и потомъ сталъ собираться въ дорогу.

— Скучненько будетъ одному то ѣхать! — Сказалъ какъ-то дѣдушка Иванъ при сынѣ и при снохѣ.

— Какъ, батюшка, одному, а я то съ ребенкомъ развѣ не люди?! — возразила Авдотья.

— Да ты вѣдь хотѣла тогда въ Москвѣ жить!

— Простите вы меня; дура я была и ужъ очень много о своей красотѣ думала и гордилась ею. За это-то Господь должно быть и наказалъ меня. Зачѣмъ мнѣ родной уголъ покидать да въ Москвѣ по чужимъ домамъ слоняться: сынъ со мною, тебя, батюшка, я люблю крѣпко, да и мужа буду видѣть часто.

Счастливою пріѣхала Авдотья въ деревню и съ этихъ поръ работа такъ и закипѣла въ ея сильныхъ рукахъ; скоро она стала примѣрною хозяйкою по всей деревнѣ, и люди, вспоминая ея прежнюю лѣнь, говаривали: „нѣтъ худа безъ добра; посмотрите, какъ перемѣнилась Авдотья послѣ болѣзни—узнать нельзя».

Занемогъ и дѣдушка Иванъ; болѣзнь его оказалась очень продолжительною. Около года провалялся старикъ въ постели и все это время Авдотья ходила за нимъ, какъ самая нѣжная, любящая дочь.

„Дочь родная не станетъ ходить такъ!“ говорили люди про уходъ Авдотьи за старикомъ.

Когда же дѣдушка Иванъ умеръ, то, какъ это показалось многимъ, смерть его не доставила никому тягчайшаго горя, какъ Авдотьѣ.

И часто можно было видѣть Авдотью, сидящею вмѣстѣ съ ребенкомъ на могилѣ дѣдушки Ивана.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ

АЛЕКСѢЯ ДМИТРІЕВИЧА

САЗОНОВА.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ:

Никольская, Новая площадь, д. графа Орлова-Давыдова.